

КАФЕДРА

А.Б. Баллаев

Карл Маркс о «Философии права» Гегеля

Размышления о природе государства, хотя и с различной степенью интенсивности в разные периоды времени, не оставляли Маркса в течение всей его жизни. Наиболее пристально и активно он работал над этой проблематикой в ранние годы своего творчества, когда считал важнейшим для немецких философов делом «критику политики», о чем свидетельствуют, например, его письма к А.Руге. Тогда же, приблизительно в 1842–1843 гг., Маркс начал постепенно освобождаться от влияния гегелевской концепции государства, которая была ему близка ранее, во время работы в «Рейнской газете». Это освобождение означало для Маркса не отказ, а исследовательский анализ гегелевской философии государства и права, которую он продолжал высоко ценить. Он называл эту философию «самым значительным, универсальным, возведенным в науку»¹ выражением немецкого политического и правового сознания. В то же время Маркс ассоциировал критику гегелевской философии права с критикой «современного государства и связанной с ним действительности»². Материалом такого критического исследования послужила работа Гегеля «Философия права» – авторитетнейший источник по социально-политической и правовой проблематике для учеников и последователей Гегеля, к отдельной ветви которых, младогегельянству, Маркс тогда принадлежал.

В 1843 г. Маркс подробно проанализировал раздел о внутреннем государственном праве из третьего отдела третьей части «Философии права» Гегеля. Рукопись, сохранившаяся не полностью, опубликована в 20-х гг. XX в. и не привлекла к себе внимания философского сообщества, если сравнивать с судьбой «Экономическо-

философских рукописей 1844-го года». Тем не менее эта ранняя работа весьма интересна как свидетельство исходных позиций Маркса в понимании многих политико-философских проблем, которыми он занимался позднее, а также сама по себе, поскольку молодой Маркс уже вполне обладал той «презумпцией гениальности», которую часто признают за ним даже его критики и противники. Для нас же важным представляется то обстоятельство, что в этой рукописи Маркс подробно, по параграфам, комментирует тексты Гегеля по проблемам отношений государства и гражданского общества, монархической власти и демократии, представительного и сословного строя, частной собственности и суверенитета государства. Как это обычно бывает, некоторые аспекты обсуждаемых классиками проблем относятся к разряду «вечнозеленых хитов» политической философии и звучат вполне актуально на фоне нынешних событий в политической теории и практике.

В §§ 261–313 «Философии права» у Гегеля излагается учение о государстве, причем часть параграфов вступительная, а суть темы начинается с § 272, раздел «Внутренний государственный строй сам по себе». Гегелевская концепция государства сложна, но хорошо изучена за два века непрерывного комментирования. Существующая разногласия мнений (консерватизм, либерализм, этатизм или, господи прости, тоталитаризм!) нуждается в особой оценке и анализе, хотя заранее ясно, что основой их будут служить социально-политические предпочтения комментатора. Для задач автора данной работы важно, что Гегель понимал государство как единый организм, в коем осуществляется единство монархической, правительственной и законодательной власти. Это единство органическое, а не механическое, поскольку каждая власть «действительно содержит в себе и объемлет собою также и остальные моменты»³. Общее единство не мешает Гегелю рассматривать отдельно власть государя, а также правительственную и законодательную. Поскольку для Маркса наиболее важным было рассмотрение именно законодательной власти и в рукописи ей отводится более всего текста, то и мы последуем в этом за классиком. Кроме того, придется оставить в стороне важнейшую для юного Маркса проблематику гегелевской методологии – «спекулятивного», то есть диалектического метода, коему в рукописи также отведено значительное место. Это вполне допустимо, потому что критика

Марксом гегелевского толкования государства и его анализ диалектики не столь неразрывно связаны между собой, что сам Маркс впоследствии признал в предисловии к рукописям 1844 г., а размышления автора рукописей о государстве и гражданском обществе, конституционализме и демократии, представительном и сословном строе вполне заслуживают отдельного анализа.

Демократия

Данная тема продолжает будоражить умы, и, пожалуй, в наши дни она актуальнее, чем в первой половине XIX в. Ее фатальная идеологизация в современной политической мысли, особенно в нашей отечественной, позволяет оценивать достаточно давние в историческом отношении мысли о демократии как более чистый или хотя бы менее замутненный источник. Некоторая наивность и простодушие старинных рассуждений на исключает их мудрости, в чем хотелось бы убедить читателя.

Размышления о демократии занимают у Маркса большие части текста, для него это очень важно. Молодой Маркс приблизительно до 1844–1845 гг. – ярый, несомненный демократ. Гегель же, наоборот, старается упоминать это страшное слово не слишком часто, хотя аспект опасности демократических изменений в государстве, еще монархическом и официально христианском, постоянно им обозначается. Он – сознательный, идейный монархист, особенно в поздний, посленаполеоновский период творчества. Поэтому гегелевский анализ законодательной власти и критика его Марксом исходно имеют существенное расхождение в отношении демократии.

Свой анализ законодательной власти Гегель начинает с фиксации важного противоречия, которое Маркс называет коллизией, антиномией, подчеркивая, что то, как остро немецкий теоретик формулирует структурную сложность, неоднозначность проблематики, является его несомненной заслугой. Суть этого противоречия такова: в § 298 Гегель указывает, что законодательная власть есть часть государственного строя, «который сам по себе лежит вне области ее непосредственного определения»⁴. То есть законодательство в государственном строе есть часть подчиненная, и сам он от нее непосредственно не зависит. Но, замечает Маркс, «ведь

и государственный строй не сам себя произвел». И именно законодательная власть «должна установить государственный строй. Она выше государственного строя»⁵. Гегель так не считает, он убежден в том, что государственный строй не может создаваться законодательной властью, он есть, хотя он постоянно и незаметно изменяется. По Гегелю, именно малозаметные и даже невидимые изменения государственного строя составляют суть исторического движения, а законодательная власть тут и вовсе не при чем.

На это Маркс отвечает панегириком в адрес законодательной власти, причем в действие приводятся аргументы от оценочного понятия прогресса. Государственный строй должен освобождаться от архаики, и это лучше получается у законодательной власти, выражающей волю народа. В этой связи он упоминает французскую революцию⁶, якобы совершенную законодательной властью. Радикализм юного Маркса имеет вполне очевидный, даже подчеркнуто демократический характер. Он настаивает на том, что народ имеет право создавать для себя новый государственный строй, что означает принятие идеи революции⁷. Заявленная «левизна» политических взглядов соответствовала исходному замыслу автора, который заключался, как пояснял Маркс позднее, в критике принципа конституционализма и вариантов конституционных монархий. Напротив, защита конституционализма, осторожная оппозиция абсолютистскому монархизму, несколько усилившемуся в Европе в период реставрации, была одной из задач Гегеля в «Философии права». Подобные расхождения такого характера наглядно свидетельствуют о том, что оба автора имеют в виду политическую повестку дня Германии, где, как, например, в королевстве Пруссия, вполне невинный либеральный демократизм власть преследовала как прямую угрозу революционных переворотов. Гегель, будучи сознательным монархистом, не принимал демократических тенденций, столь дорогих Марксу. Но либеральный конституционализм в Европе того времени уже вполне стоял на повестке дня, и Гегель именно этот принцип поддерживал в «Философии права».

Следует отметить, что эта работа почти не содержит развернутой критики демократического устройства государства, что соответствует ее характеру официального учебника. Гегель представил ее в своей последней работе «Английский билль о реформе 1831 г.», более чем через десять лет после написания «Филосо-

фии права». Статья официальная, ее читал сам прусский король, поэтому негативная оценка демократии на материале английского парламентаризма была Гегелю заранее задана. Однако заказной характер работы вовсе не исключает высокого качества исполнения, поэтому критический анализ английского варианта демократического устройства государства у Гегеля весьма содержателен. Кривить душой в этом случае Гегелю, как принципиальному монархисту, не понадобилось.

Что же углядел он в английской демократии? Каковы, по его мнению, пороки и недостатки этой формы государственного устройства?

Гегель исходит из признания высшей ценности государства как такового. Благом является все, в чем есть польза государству. Государство, причем не только монархическое, а любое, есть «шествие бога в мире», реализация объективного духа и т. д. Как красиво сравнивает Гегель, большой человек – тоже все-таки человек, несовершенно государство – все же государство. Как вредную ересь Гегель оценивает мнение о том, что государство есть что-то вроде учреждения, обслуживающего граждан, которое, если обслуживание не удовлетворяет, можно и поменять. Гегель – этатист, государственный, и потому социальный аспект (для чего, собственно, нужны государства?) его волнует сравнительно мало, причем скорее со стороны угрозы самому государству. Конечно, он отнюдь не отрицает обязанности государства поддерживать народное благосостояние. Однако это – лишь одна из обязанностей, причем не самая главная. Поскольку Гегель признает нормальность социального неравенства, он только сетует на излишнее богатство и скудную нищету на разных социальных полюсах. Однако, если государство ведет жесткую и негибкую социальную политику, допускает излишние притеснения и полную нищету народа или, наоборот, позволяет себе излишнюю мягкость, например, всеобщее избирательное право, его подстерегает опасность бунтарского радикализма. Призрак революции и якобинского террора не перестает тревожить Гегеля.

В английском парламентаризме эти опасности присутствуют, поскольку монархическая власть весьма слаба, исполнительная – контролируется парламентом, который формирует правительство. И это, по Гегелю, означает, что господствует коррупция.

Парламентская демократия и парламент как институт, имеют одной из важнейших целевых задач материальную выгоду для своих членов: «Избрание государственных деятелей в значительной степени определяется частными интересами и грязными соображениями денежной выгоды»⁸. Верхушка парламента может «извлекать для себя и своих родственников бесконечные выгоды посредством синекур и вообще доходных мест в аппарате управления, армии, церкви и при дворе»⁹. Места в парламенте продаются и покупаются совершенно открыто, что позволяет Гегелю сделать заключение о пронизывающем все общественные классы корыстолюбии, о «системе коррупции»¹⁰. Одним из следствий такого положения вещей является невозможность государственной экономии средств и рост государственного долга. Нация работает и платит налоги, однако «именно в тех странах, где управление государством зависит от избранных народом представительных собраний, налоговое обложение наиболее высоко»¹¹. По Гегелю, население от роста богатства страны и собираемых налогов ничего не имеет и не отличается зажиточностью в сравнении с континентальными странами Европы.

В целом Гегель анализирует английские проблемы вполне компетентно: рассмотрена колониальная политика в Ирландии, практика церковной десятины и в целом довольно мерзкое положение с англиканской церковью, вопрос о «праве на охоту», проведение выборов, значение «гнилых местечек» и проч. Все это – отнюдь не те достижения английского демократизма, коими можно было бы гордиться. Гегель подчеркивает, что и в сознании избирателя, и практически присутствует ничтожность, незначительность поданного голоса. И это исчерпывающим образом характеризует исходную, коренную порочность избирательной системы. Поэтому люди не желают принимать участие в выборном процессе, а выборы сопровождаются различного рода давлением на неактивных избирателей, вплоть до прямого подкупа и применения силы, только бы заставить людей прийти на избирательный участок. «Многие англичане (невольно возникает вопрос, не большинство ли?) выполняют эту обременительную и не имеющую для них существенного значения обязанность лишь под бурным натиском кандидатов и получают... возмещение в виде лент, жаркого, пива и нескольких гиней»¹².

Аналогичное положение Гегель фиксирует и во Франции, а мы заметим, что и в XXI в. во всех странах имеется так называемое «молчаливое большинство», которое отрицательно относится к системе выборов. Впрочем, уверенности в том, что правящим силам желательна наибольшая политическая активность избирателей, а не наоборот, в современном философско-политическом сообществе, кажется, не наблюдается. Выборы должны давать тот результат, который устраивает «правлящее меньшинство», а пассивность или активность избирателей относятся к категории средств для достижения данной цели.

Далее, считает Гегель, и это более важно, результаты выборов оказывают незначительное влияние на реальное положение дел в демократическом государстве: «Само по себе ничтожное влияние ограничивается личностями и становится еще более ничтожным благодаря тому, что оно не распространяется на предмет, который полностью находится вне этого влияния»¹³. Иными словами, представительство в Англии ограничивает население избирательным процессом, и влияния на ход дел в парламенте он уже никак оказать не может. Только во Франции при Робеспьере была принята демократическая конституция, которая «устанавливала, что законы общегосударственного значения также должны быть предъявлены гражданам для ознакомления и утверждения»¹⁴. Впрочем, как отмечает Гегель, на практике при якобинцах это не было реализовано, а по сути, и ныне все в мире осталось так же. Таким образом, критикуя английский вариант современной ему демократии, Гегель достаточно точно фиксирует «болевы точки» этой формы государственного строя, сохранившиеся во многом и по сей день.

«Критики» гегелевской «критики демократии» в рукописи Маркса почти нет, что – напомним – объясняется тем, что в гегелевской «Философии права» тема не развернута, если не считать нескольких скептических замечаний (см. примечания к § 273) и общего консервативного тона. Однако довольно подробные размышления Маркса о демократии в ней присутствуют. Они достаточно показательны не только для понимания марксовых представлений о демократии в начале 1840-х гг., но и в целом для возможностей теоретического подхода к данной теме. Маркс (как честный гегельянец!) пытается вычленил «родовое» или «сущностное» в представлениях о демократии, иначе говоря, «вывести» это «по-

нятие», соотнося данный смысл с наличными формами данного государственного устройства. В то же время позитивное приятие Марксом демократии как таковой подразумевает довольно критическое отношение к имеющимся формам демократического устройства. В отличие от Гегеля, внимание Маркса направлено не к Англии и Франции, а к США как образцовому демократическому государству для XIX в., причем не только в рукописи 1843 г., но и значительно более поздних работах. Подробнее об американской демократии Маркс высказался в статье «*Zur Judenfrage*», непосредственно примыкающей как по времени написания, так и по содержанию к рукописи о гегелевской философии права.

Заокеанская демократия, по Марксу, не полностью соответствует сути понятия «демократия», то есть власти и правлению народа. Американская республика является образцом современного государства в смысле своего освобождения от вне-политических компонентов, которые переходят в гражданское общество и там сохраняются. Частным делом индивидов становится их религиозная принадлежность, имущественное и профессиональное состояние, степень образованности – все это лишается политического значения. О многих континентальных ограничениях демократии в США и речи нет. Как пишет Маркс в «*Zur Judenfrage*», «государство, как государство, аннулирует, например, частную собственность, человек объявляет частную собственность упраздненной в политическом отношении, как только он упраздняет имущественный ценз для активного и пассивного избирательного права, как это и произошло во многих штатах Северной Америки»¹⁵. Но, как известно, упраздненное в политическом отношении прекрасно сохраняется в отношении социальном. Пока же демократическая республика есть только более развитый тип государственности, однако общий характер государства как такового, как всего лишь посредника «между человеком и свободой человека», в которого он «вкладывает... всю свою человеческую свободу»¹⁶, вполне сохраняется.

Маркс неоднократно возвращается к мысли об «иллюзорном», «абстрактном», «формальном» характере политического государства или государства как такового при современных условиях, при общей для всех типов государственного устройства основе, которую Маркс видит в господстве частной собственности. Отсюда следует отмеченное им сходство прусских и американских

социальных отношений, несмотря на то что государственные типы монархии и демократической республики достаточно сильно отличаются друг от друга. В этой связи Маркс даже высказывает мысль, приписывая ее французским авторам, что при осуществлении народами полного народоправства государство, как и гражданское общество, вместе со своими сложными взаимоотношениями просто-напросто исчезают. Пока же, при разрыве и конфронтации гражданского общества и государства, последнее призвано быть некоей внешней силой, вносящей порядок в гоббсовскую борьбу всех против всех, характерную для гражданского общества. Как выражается Г.Маркузе, только суровая внешняя сила может обеспечить какую-то реализацию общих интересов и не дать разорвать хрупкую социальную связь не знающему удержу напору индивидуальных = частных = единичных = эгоистических интересов гражданского общества¹⁷. По Марксу, все современные демократии (даже образцовая американская) сохраняют этот характер «внешней силы», которая лишь формально, или иллюзорно, представляет себя как гармонический синтез единичных волей. Это не отрицает различий в степенях государственного давления на общество, где монархия абсолютная и конституционная, не слишком демократическая и образцово демократическая республика при общей природе предоставляют своим гражданам больше или меньше политической свободы. Тем не менее все это не выходит за пределы отчуждения государства от общества и далеко от подлинного народоправства, не есть демократия по своему понятию.

Таким образом, Маркс, поддерживая общее, «родовое» понимание демократии, достаточно критично относится к современным ее реальным разновидностям. При этом негативная оценка распространяется им как на демократию (как тип или форму государства), на ее неразрывную связь – конфликт с гражданским обществом, так и в целом на государство как особый тип отчуждения человека. С данной общей позицией в отношении государства как такового Маркс впоследствии не расстанется, и в этом состоит его принципиальное расхождение с гегелевским пониманием государства. В этом радикальный демократизм молодого Маркса несколько родственен классическому анархизму штирнеровско-бакунинского вида, что вполне естественно для левого гегельянства 40-х гг. XIX в.

В самом недалеком будущем Маркс оставит общедемократические позиции ради коммунистического революционизма, например, в работах, близких по времени к написанию «Манифеста коммунистической партии». В дальнейшем его понимание практики демократической государственности еще более приблизится к гегелевской критической интерпретации, особенно после близкого знакомства с работой английского и французских парламентов времен революции 1848 г. Оценки демократии у радикального «левого» мыслителя Маркса и консерватора Гегеля во многом совпадут, за исключением, конечно, марксовской квалификации демократии как буржуазной, т. е. порождаемой социальными отношениями капиталистического типа, типичными для гражданского общества данной эпохи.

Сословия

Тема сословного представительства – важнейшая для анализа конституционализма в его тогдашней немецкой, если не европейской форме. Напомним, что конституционные монархии XIX в. являлись некоей переходной формой государственного устройства, причем переход совершался от абсолютных монархий к республиканскому типу правления. Франция пережила за это столетие несколько таких переходов (туда и обратно), которые реализовывались в различных вариантах революций и военных переворотов. Однако сословное представительство, причем в рассмотрении гегелевского учебника для прусских университетов, чем является «Философия права», почти полностью отражало собственный немецкий опыт. В раздробленной Германии первой половины XIX в. республик еще не наблюдалось, тем не менее борьба за конституционные преобразования в монархических государствах уже наличествовала и развивалась. Ее кульминацией стала революция 1848 г., а полноценный общегерманский парламент (рейхстаг) появился уже после объединения страны Бисмарком.

Развитие темы сословного устройства у Маркса следует за гегелевским, а Гегель особое внимание уделяет роли сословий в законодательной власти. Особо важны в этой связи параграфы 302 и 303, где речь идет о синтезе гражданского общества и государ-

ства, представленном немецким мыслителем в виде сословий. Сословия, по Гегелю, «как опосредствующий орган... стоят между правительством вообще, с одной стороны, и распадающимся на особенные сферы и индивидов народом – с другой»¹⁸. Опережая на столетия некоторых современных теоретиков, Гегель порицает преувеличение значимости понятия «народ» – фактически он отрицает существование таковой общности как политически реальной. Он называет народ «неорганическим скоплением людей»¹⁹. Сословия, выполняя роль опосредования (Vermittlung), нужны для того, чтобы «особенные интересы общин, корпораций и индивидов не изолировались, или, более того, чтобы отдельные люди не превращались в массу или толпу и тем самым не пришли бы к неорганическому мнению и волею и к чисто массовой власти, противопоставляющей себя государству»²⁰. Чтобы устранить этот призрак французской революции, Гегель считает возможным привить сословиям в представительном органе «функцию опосредования», не дать развиваться противоположности сословных учреждений и правительства. Признаком удачи в этом деле он считает то обстоятельство, что противоположные стороны делают предметом страсти и споров не «существенные элементы государственного организма», а нечто более безразличное, вроде высших государственных должностей, за которые и ведется партийная борьба.

Социальные атомы, будь то «особые сферы» или «индивидуумы», складываются только в толпу или массу, потенциально враждебную монархической и правительственной власти и даже государству как таковому. Оценочная строгость Гегеля здесь проявляется особенно ярко. Он принципиально отрицает то, что можно назвать «социальной атомистикой». «Это атомистическое, абстрактное воззрение исчезает уже в семье, равно как в гражданском обществе, где единичное лицо проявляет себя лишь как член некоторого всеобщего»²¹. Гражданское общество, по Гегелю, также организовано в некие общности, которые исключают атомизацию этой сферы. Однако опасность остается, возможны некие обстоятельства, в которых «атомы» могут сложиться в «толпу»: «Многие в качестве единичных лиц, что охотно понимают под словом “народ”, суть, правда, некая совместность, но только как множество, как бесформенная масса, движения и действия которой именно поэтому были бы лишь стихийны, неразумны, дики и

ужасны»²². Государство и законодательная власть как его часть – это сфера разума, всецело позитивная сила, упорядочивающая возможный хаос гражданского общества. Понятие «анархия» (неизбежная потенция социальной атомистики) как термин Гегелем не используется, но именно реальная опасность анархии стимулирует его к повышению опосредующего статуса сословий в сфере законодательной власти. Гегелевское «опосредование» (*Vermittlung*) функционально означает примирение, снятие политического напряжения, даже синтез и единение. Сословия, участвуя в делах государства на уровне законодательной власти, как бы приучаются отрекаться от своих частных интересов, от эгоизма, типичного для «гражданского общества», и начинают смотреть на дела с точки зрения «всеобщего», то есть с позиций интересов государства. В формулировке Маркса, «сословия со стороны их отношения к правительству представляют собой народ, но со стороны их отношения к народу представляют собой правительство»²³. Потенция к этому у «частного сословия» имеется уже в гражданском обществе – в виде социальных общностей, «кругов», островов организованности в виде корпораций и проч.

Маркс к этому относится крайне скептически, высмеивая гегелевские «синтезы»: «Сословный элемент есть санкционированная, узаконенная ложь конституционных государств: государство является-де интересом народа, или народ – интересом государства. В содержании эта ложь разоблачается»²⁴. Напомним, что, работая в «Рейнской газете», Маркс близко ознакомился с практикой работы рейнского ландтага, о чем свидетельствуют его статьи о дебатах по поводу свободы печати и закона о краже леса, а также статья о бедствиях мозельских виноделов. В дебатах принимали участие депутаты от городов, дворянства, сельских общин. Конечно, сословное представительство времен земельных ландтагов в королевстве Пруссия, введенное Фридрихом-Вильгельмом III, в сравнении с республиканскими парламентами, избираемыми всеобщим голосованием, выглядит архаично. О таком парламенте, созданном во Франции после революции 1848 г., равно как и об английском парламенте 50-х гг. Марксу придется многократно высказываться. Однако между сословным представительством при порядках не вполне еще конституционной монархии и представительством на основе всеобщего голосования в демократической республике со-

храняется принципиальная преемственность, суть которой была понятна Марксу еще в 1843 г. Дело здесь в природе самой государственности и ее отношениях с гражданском обществом.

У Гегеля реально действующие сословия получают обобщенное истолкование, далекое от конкретики, причем он старается, чтобы сословия в гражданском обществе и законодательных органах политического государства были одни и те же. В «Философии права» упоминается «всеобщее сословие», оно же «среднее сословие» т. е. административные работники, чиновничество, бюрократия: «Члены правительства и государственные чиновники составляют основную часть среднего сословия, которое характеризует развитый интеллект и правовое сознание народной массы»²⁵. Затем следует «сословие природной нравственности», к которому отнесены землевладельцы, делящиеся «на образованную его часть и на крестьянское сословие». «Образованная часть» землевладельцев сводится у Гегеля к владельцам майоратов, неотчуждаемой собственности, переходящей по прямой от отца к сыну. Он полагал, что данная форма земельной собственности как бы сама собой призывает ее владельцев к служению государству, в чем и состоит ее «природная нравственность».

Оба эти сословия, «всеобщее» и «природной нравственности» (минус крестьяне, поскольку они привержены семейным ценностям и приучены к подчинению), занимают определенные ниши в политической жизни, участвуют в государственном управлении. Для них, по Гегелю, необязательно избираться в ландтаги, ибо они и так предназначены для исполнения властных функций в государстве. Это столпы и опоры государственного порядка, их место – палата пэров, которая не избирается, а назначается. Избираются в ландтаги, в нижнюю палату представители «частного сословия», «подвижная сторона гражданского общества»²⁶, причем речь идет о представительстве от организаций гражданского общества, а не об участии «всех» в законодательном обсуждении и решении государственных дел. Последнее Гегель связывает с представлением, стремящимся внести «в государственный организм демократический элемент без всякой разумной формы»²⁷. То есть, настаивая на участии членов гражданского общества в законодательной власти, он одновременно пытается блокировать излишнюю, по его мнению, широту такого участия.

Возможно ли соотнести функции современных объединений «гражданского общества» с гегелевским «*Vermittlung*», возлагаемым на сословия? С одной стороны, у Гегеля речь шла о «середине» между монархическим «произволом» и народом, между правительственной властью и «атомистикой» гражданского общества. Это, кажется, вместе с монархами и сословиями уже давно в прошлом. Тем не менее гражданское общество в гегелевском смысле получило многообразное развитие, и «борьба всех против всех» в современном урбанизированном обществе – основное наполнение ежедневных теленовостей. Объединения «частных индивидов» наличествуют как в позитивной, так и в негативной относительно государства позициях. Опасность «атомистической анархии», исходящая как из «особых сфер» (типа религиозных, этнических или криминальных объединений), так и из толпы «социальных атомов-индивидов», не только сохраняется, но и значительно выросла за два столетия. За то же время гегелевские сословия нивелировались, стерлись, потеряли определенность. Еще в 1843 г. Маркс считал сословное деление в его немецко-прусской форме архаикой. В рукописи отмечается, что сословия теряют свой средневековый, строго фиксированный формат и превращаются в социальные группы, где деньги и образование значительно важнее традиционной сословной принадлежности. «Мы имеем здесь разделение на массы, которые являются текучими, возникают произвольно и не отливаются в форму организации»²⁸. Проще говоря, Маркс вводит представление о социальной стратификации, которое, бесспорно, более объемно описывает устройство изменяющегося немецкого социума на феноменальном уровне, нежели концепция классовой структуры, к которой в это время молодой мыслитель еще не пришел. Однако в современной феноменологии социальных групп и соответствующих им организаций гражданского общества имеются особо влиятельные, чье представительство в законодательной власти может эффективно исполнить роль гегелевского опосредования.

В целом же оба теоретика в проблематике участия сословий в законодательной власти, точнее, в политическом спектре деятельности государства ограничивают свое внимание сектором гражданского общества, которое отнюдь не есть все общество как таковое. Этот момент нужно пояснить. Даже Гегель вполне осознавал это, когда указывал на неправильность подхода к проблеме с позиции

абстрактного «множества» или на несправедливость исключения женщин из политической жизни. Исторический праксис постепенного обретения большинством населения права избирать и быть избранным косвенно подтверждает реальное расширение объема понятия «гражданское общество» в его гегелевско-марксовском смысле, однако и по сей день этот объем не равен объему понятия «общество» как таковое. Если для Гегеля «гражданское общество» никак не захватывает секторы семьи и государства, то Маркс, как мы уже указывали, обращает внимание на «людей почвы», на массы, для которых нет сословной принадлежности, нет равенства свободы и собственности, нет «борьбы всех против всех» в смысле гражданского общества, к котором они не принадлежат. Все это Маркс приписывает особому классу людей, который в статье «К критике гегелевской философии права. Введение», написанной почти тогда же, что и рукопись о Гегеле, назван пролетариатом. Пролетариат, о котором Маркс еще почти ничего не знает, характеризуется как такой класс гражданского общества, «который не есть класс гражданского общества», это такое сословие, «которое является собой разложение всех сословий»²⁹. Впрочем, о понятии «пролетариат», об отношении пролетариата к гражданскому обществу в том виде, который придан ему в «Философии права» и работах Маркса, следует говорить специально, это особая тема.

В рукописи 1843 г. у Маркса речь идет о сословиях, о «социальной атомистике», в которой каждый атом есть член гражданского общества, притом что он же – гражданин государства. Иными словами, здесь Маркс еще ограничивается анализом сферы политического, лишь изредка затрагивая уровень реальности социальной, которая вскоре станет основным предметом его исследований.

Индивиды

Итак, отмечает Маркс, гражданское общество и государство оторваны друг от друга. «Следовательно, и гражданин государства оторван от гражданина как члена гражданского общества. Человеку, таким образом, приходится подвергнуть самого себя существованию раздвоению. Как действительный гражданин он находит себя в двойной организации: в бюрократической ... и в соци-

альной, в организации гражданского общества. Но в последней он, в качестве частного лица, стоит вне государства»³⁰. В этом качестве он и не может быть действительным гражданином государства, он противостоит последнему как член социальной организации гражданского общества или как частное лицо. Для своего политического гражданства, т. е. для вхождения в политическую структуру государства, человек должен «уйти из всей этой организации в свою индивидуальность, ибо его обнаженная индивидуальность как таковая есть единственное существование, которое он находит для своего политического гражданства»³¹. Речь идет о том, что Гегель называет «атомистическим, абстрактным воззрением», которое отрывает друг от друга гражданскую и политическую жизнь, считает, что «ее базисом... является лишь абстрактная единичность произвола и мнения»³². Это неприемлемая для Гегеля, многократно им порицаемая социальная атомистика. «Абстрактное воззрение», «рассудочное» или «ходячее представление» – таковы гегелевские негативные эпитеты в адрес признания индивидуального вхождения членов гражданского общества в политическую жизнь. Как известно, Гегель считал гражданское общество разбитым на «круги» типа корпораций и признавал возможным только представительство от подобных организаций. Маркс, подробно рассмотрев гегелевское понимание отношения политической и гражданской жизни, делает противоположный вывод: «Это представление не отрывает друг от друга гражданскую и политическую жизнь, оно есть лишь представление о действительно существующем отрыве»³³.

Раскол общества на государство и гражданское общество, проходящий и через индивида, т. е. через индивидуальный «атом» социума, является, по сути, основной темой первой части статьи Маркса «К еврейскому вопросу», написанной в 1843 г., как и часть рукописи о «Философии права». Эта статья в чем-то повторяет, а в значительной мере теоретически завершает марксовы размышления, изложенные в тексте рукописи о Гегеле.

В итоговой формулировке основная мысль выражена с полной ясностью: «Различие между религиозным человеком и гражданином государства есть различие между купцом и гражданином государства, между поденщиком и гражданином государства, землевладельцем и гражданином государства, между живым индивидом и гражданином государства. Противоречие, в котором рели-

гиозный человек находится с политическим человеком, есть то же противоречие, в каком находятся *bourgeois* и *citoyen*, в каком находятся член гражданского общества и его политическая львиная шкура»³⁴. И даже более того. Значительная часть статьи у Маркса посвящена анализу всеобщих прав человека и гражданина (*Droits de l'home et du citoyen*), где доказывается, что понятие человека и его прав подразумевает человека как члена гражданского общества с соответствующими правами: «Ни одно из так называемых прав человека не выходит за пределы эгоистического человека, человека как члена гражданского общества, т. е. как индивида, замкнувшегося в себя, в свой частный интерес и частный произвол и обособившегося от общественного целого»³⁵. Позднее, в 1857 г., Маркс буквально повторяет эту же характеристику человека как члена гражданского общества: «Лишь в XVIII в., в “гражданском обществе”, различные формы общественной связи выступают по отношению к отдельной личности как всего лишь средство для ее частных целей, как внешняя необходимость»³⁶.

К таковым отношениям относится всякая связь с государством, «гражданство» в виде обязанностей, повинностей, «долга перед отечеством» и т. п., вплоть до права избирать и быть избранным в системы законодательной или исполнительной власти. Эти связи, как утверждает Маркс, есть «внешняя необходимость» для отдельного индивида, они отчуждены от него. Поэтому, видимо, во всех государствах существует система правового и дисциплинарного принуждения по отношению не только к нарушителям закона, прямым врагам государства, но и к лицам, потенциально или актуально способным уклониться от социальной роли гражданина. Наиболее внимательны государства к принципиальному для себя вопросу сбора налогов. Неуплата оных оценивается как преступление, несмотря на то, что для индивидов уплата налогов представляет собой нечто вроде взаимного надувательства гражданина и государства. Аналогично обстоит дело со «священным долгом» воинской службы в странах со всеобщей воинской обязанностью. Гегель замечает, а Маркс этой мыслью восхищается, что подъем патриотических настроений в немецком обществе во времена Наполеона был непосредственно вызван не оккупацией, а ростом налогов и дороговизной продуктов из-за континентальной блокады.

Раздвоение индивидов в самих себе на «*citoyen*» и «*bourgeois*» для Маркса не является симметричным, здесь нет никакого равенства. Гражданин как гражданин государства, как политический человек есть «лишь абстрактный, искусственный человек, человек как аллегорическое, юридическое лицо»³⁷. На практике «действительный человек есть частный человек современного государственного строя»³⁸. Частный человек в индивиде существует реально, в его жизненном праксисе, гражданин же лишь теоретически выражает в себе то, чего не хватает частному индивиду. Гражданин как социальная роль восполняет отсутствие в частном человеке морального сознания, чувства долга перед страной и т. п.

Частный человек характеризуется Марксом как эгоист по преимуществу, как раб потребностей, делец, как частный собственник. Как таковой он реален, а гражданин – лишь некий камуфляж, иллюзорное прикрытие, отчужденный образ. Тем самым, в конечном счете, он вторичен и подчинен частному человеку, члену гражданского общества.

Эту двойственность индивидов в государстве в определенной степени признает и Гегель, но его трактовка принципиально иная: «Его (члена государства) всеобщее определение вообще содержит двойственный момент. Он есть частное лицо, а как мыслящее – также сознание и воление всеобщего»³⁹. Гегель считает, что разум частного лица, его моральный интеллект, определяемый всеобщим, то есть культурой и образованием, всегда противостоит в индивиде его частному, эгоистическому началу. Но в этом противостоянии Гегель не видит победителя в эгоизме частного лица. Те члены гражданского общества, которые тяготеют ко «всеобщему», сознательно принимают решение участвовать в делах государства и имеют для этого соответствующую подготовку, могут стать депутатами законодательных органов. Гегель даже учитывает для таких «частных лиц» возможность войти во «всеобщее сословие», что означает переход на работу в административные органы.

Для Маркса же индивид как частное лицо, представитель гражданского общества и в качестве депутата призван представлять интересы гражданского общества как мира эгоизма, своекорыстных потребностей, «атомистических, враждебно друг другу противостоящих индивидов»⁴⁰. Вторая ипостась такого индивида – его роль гражданина, политическая составляющая – остается

вне этой реальности, она преимущественно иллюзорна, если только не оправдывает гегелевских опасений относительно превращения ее в оппозиционную, враждебную правительственной власти. По замечанию Маркса, Гегель столь сильно этого опасается, что изменяет своему же принципу признания «субъективной свободы» индивидов как необходимости для современного общества и понимания системы представительства как основной сферы реализации этой свободы на государственном уровне. Гегель так боится депутатов от «гражданского общества», что готов наполнить законодательные собрания сплошь государственными чиновниками в отставке. «Не хватает еще только, чтобы Гегель выдвинул требование – подвергнуть сословных представителей экзамену у досточтимого правительства»⁴¹.

Вообще же деятельность законодательной власти в целом для Гегеля представляется чем-то второстепенным, каким-то наростом на теле государственного управления, административной власти. Чем большее количество людей, «многих», приближено к управлению, тем хуже. Антидемократизм Гегеля подкрепляется простым соображением о том, что для управления государством нужна соответствующая подготовка и опыт, «обладание начальственным и государственным разумением»⁴². Им обладает «всеобщее сословие», бюрократия как таковая. К ней, признает Гегель, в определенных условиях вполне могут подключены и некоторые члены гражданского общества. Депутаты в законодательных собраниях для этой цели пригодны мало, их функция состоит в обсуждении и доведении до всеобщего сведения должной части государственных дел, что вносит успокоение в общество.

Говоря об индивидах, их дисгармонии в социально-политическом бытии, Маркс не имеет в виду того, что можно было бы назвать «человеком вообще», и его рассуждения лишены прямой философско-антропологической специфики. Напомним, что и Гегель, и Маркс считают гражданское общество исторически юным, недавним феноменом. Его заметное выступление на политическую арену Европы Маркс датирует XVIII в. – веком упадка феодализма и укрепления нового типа общества, которое Маркс вскоре назвал капиталистическим. Поэтому человек как «частный индивид», «эгоист», «член гражданского общества», «частное лицо», «буржуа» и т. д. – это не общеисторическая, а конкретно-

историческая характеристика, которая к тому же вводится еще и в противопоставлении или в отношении к тем типам индивидов, которые не входят в пределы гражданского общества. В сословном варианте общественной иерархии, сохранявшей феодальные характеристики, было значительно проще. Правительственная власть, чиновники, военные, т. е. люди, состоящие на службе у государства, получающие жалованье от государства и представляющие его, оставались вне гражданского общества. Их, как социальных атомов, Маркс специально не анализирует, что вполне объяснимо. Но ведь чиновниками не рождаются, государственный аппарат во все времена хотя бы частично вербуются из различных сословий гражданского общества. Гегель это признает, при этом указывает, что «члены правительства и государственные чиновники составляют основную часть среднего сословия, которое характеризует развитый интеллект и правовое сознание народной массы»⁴³. Это сословие Гегель считает главной опорой государства, однако его отсутствие в иерархии сословий гражданского общества делает эту эмпирическую констатацию фиксацией иллюзорности, сконструированности данного понятия, хотя гегелевские же размышления о контроле за чиновничеством, возможности злоупотреблений и коррупции свидетельствуют о том, что «среднее сословие» вполне соответствует характеристикам «частного индивида», борца за свои особенные или единичные интересы, т. е. обычного эгоиста гражданского общества.

Однако существуют еще большие массы людей, которые во времена Маркса с очевидностью не входили или почти не входили) в гражданское общество и для которых, следовательно, характеристики индивидов как «эгоистов», «bourgeois» и проч. совсем не подходили. Это уже упоминавшиеся «люди почвы», лишённые основного признака гражданства – избирательных прав, названные Марксом пролетариями, а также женщины, крестьяне, которых Маркс, в отличие от Гегеля, относит к той же группе, о которых также затруднительно говорить как об индивидах в смысле членов гражданского общества. Маркс пишет: «Люди, лишённые всякой собственности, и сословие непосредственного труда, конкретного труда, в меньшей степени являются сословием в гражданском обществе, чем той почвой, на которой покоятся и движутся его круги»⁴⁴.

Таким образом, на заднем плане картины гражданского общества с типовым для него индивидом – эгоистом, искателем собственной выгоды, социальным атомом, несущим в себе противоречие с самим собой как гражданином государства, – остается масса людей, про которых эти определения ничего не говорят. Точнее, это люди, которые не могут пока чисто исторически, заставить говорить о себе хотя бы в смысле политической философии, т. е. уж самом невинном. В 20-х гг., когда Гегель размышлял об английской демократии, он ничего толком не знал ни об опытах Роберта Оуэна, ни о чартизме и, уж конечно, не читал ранней феминистской литературы. Маркс в 1843 г. уже стоял на пороге открытия реальности пролетариата, социализма и коммунизма как теоретического и практического движения в Англии и Франции, но до первых успехов суфражисток он не дожил. Поэтому, хотя оба автора весьма прозорливо фиксируют суть «хозяина жизни», героя последних столетий в его индивидуально-эгоистическом облики, только Марксу еще предстоит теоретическая разработка этой темы, причем в различных направлениях. Среди них станет, вслед за сделанным Фейербахом, выяснение общеполитической сути и смысла понятия «человек» и, что еще более важно, критериев «человеческого» в отличие от «недочеловеческого» или античеловеческого применительно к условиям жизни, праксису и вариантам развития индивидов в истории и современности. Размышлениями на эту тему наполнены «Экономическо-философские рукописи 1844 года», и поэтому гуманизм и масштабный социальный антропологизм этой работы Маркса резонно заслонили собой социально-политические подходы к теме человека как индивида в гражданском обществе, намеченные в рукописи 1843 г. Но, повторяем, для Маркса тема вовсе не была закрыта сочинениями данного периода его творчества.

В работах Маркса, пожалуй, со времен «Немецкой идеологии» индивид представлен как член гражданского общества и окончательно теряет остатки определения себя как гражданина, как гегелевского радетеля за «всеобщее». В свете классового подхода он обретает характеристики классового индивида, т. е. типичного буржуа, человека практической жизни, для которого прибыль, накопление, имущественное благосостояние бесконечно важнее абстрактных гражданских добродетелей. В среднем (а классовый

индивид, по «Немецкой идеологии», это усредненный тип индивидов) это обыкновенный эгоист, в отличие от штирнеровского «Единственного», и Маркс полагает, что он вправе писать о «скотской грубости буржуа» и т. п. С приходом Маркса в сферу политической экономии уже ни о какой раздвоенности или самопротиворечивости индивидов как членов гражданского общества не может быть и речи. Следует отметить, что противоречие гражданского общества и государства Маркс понимает теперь как гармонический альянс, где государство подчинено гражданскому обществу в смысле подчинения политической сферы господствующим экономическим отношениям и силам. Это полностью меняет его ракурс анализа политического.

Некоторые выводы

Трудно отделаться от ощущения, что мыслители прошедших времен умели с легкостью преодолевать расстояния в века, знаменитая сова летает не только в прошлое, в этом отношении Гегель был неправ по отношению и к другим, и к самому себе. В специфическом языке и изощренных спекулятивных конструкциях «Философии права» собраны и как-то упорядочены мысли, вполне понятные и родственные многим нашим современникам. Что же делать, если этот поклонник французской революции и Наполеона как «мирового духа» в итоге стал так сильно опасаться политических смут и распрей, что начал выше всего ценить хоть какой-то порядок в государстве? Свидетелям эпохи перемен это вполне понятно, хотя современникам спокойных периодов в историческом движении, скорее всего, такой порядок ценностью не кажется. Молодой Маркс смеется над гегелевским упованием на «незаметные изменения» в политико-социальном бытии государств, но гегелевская стариковская нерешительность говорит и о боязни непредвиденных последствий от действий brutальных прогрессоров. Тезис об «иронии истории» имеет всеобщий смысл применительно к реформаторско-революционной отваге, но кого он хоть как-то удержит от практического радикализма? Голос осторожной мудрости всегда почти не слышен. Пожалуй, только в приближении к философии истории Гегель набирается былой

смелости, чтобы оценить очищающее действие войн, вспоминает о «метлах господних», за что ему и достается от «морально устойчивых» комментаторов. В целом философ осторожен, скепичен и, скорее всего, таковым бы и остался даже без давления условий существования в ранге официального государственного служащего по философской части.

Напротив, юный Маркс в работе над гегелевским текстом далек от стандартного философского комментирования и ищет истины в словах своего учителя. Критические подходы в таком анализе, подсказанные Б.Бауером и Л.Фейербахом, А.Руге и М.Гессом, остаются на уровне рабочих приемов, технологии и не влияют на общий уровень марксовского суждения о Гегеле. Это суждение крайне позитивное. В тексте рукописей налицо много «отличных отметок», которые ученик выставляет своему учителю. Но самого главного, то есть консервативного скепсиса и осторожности великого старика, Маркс не разделяет, что и понятно. Он постоянно отталкивается от сути гегелевских положений, ищет противоположного подхода к проблеме и, главное, старается найти общий выход из проклятого исторического хода событий, который, напротив, удовлетворяет Гегеля. Это особый, индивидуально марксовский вариант духовного поиска, который через идею «человеческой эмансипации», изложенную в «Zur Judenfrage», выходит на широкое поле философско-антропологических откровений и пророчеств 1844 г. Размышления о демократическом развитии государств, о природе индивидов в гражданском обществе постепенно отходят на второй план в сравнении, что и понятно, с грандиозной концепцией социального и антропологического переворота в истории человеческого рода.

Примечания

- ¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 421.
- ² Там же.
- ³ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. § 272.
- ⁴ Nfv ;t. § 298.
- ⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 281.
- ⁶ Там же. С. 284.
- ⁷ Там же.

-
- 8 Английский билль о реформе 1831 г., см.: *Гегель Г.В.Ф.* Политические произведения. М., 1978. С. 375.
- 9 Там же. С. 381.
- 10 Там же. С. 377.
- 11 Там же. С. 382.
- 12 Английский билль о реформе 1831 г. С. 402.
- 13 Там же. С. 400.
- 14 Там же.
- 15 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 1. С. 389.
- 16 Там же.
- 17 См.: *Маркузе Г.* Разум и революция. СПб., 2000. С. 226–227.
- 18 *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М., 1990. § 302.
- 19 Там же. § 303, примечание.
- 20 *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. § 302.
- 21 Там же. § 303, примечание.
- 22 Там же.
- 23 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 1. С. 298.
- 24 Там же. С. 293.
- 25 *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. § 297
- 26 Там же. § 308.
- 27 Там же. § 308, примечание.
- 28 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 1. С. 311.
- 29 Там же. С. 427.
- 30 Там же. С. 307.
- 31 Там же. С. 307–308.
- 32 *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. § 303, примечание.
- 33 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 1. С. 310.
- 34 Там же. С. 391.
- 35 Там же. С. 401–402.
- 36 Там же. Т. 46. Ч. 1. С. 18.
- 37 Там же. Т. 1. С. 405.
- 38 Там же. С. 312.
- 39 *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. § 308.
- 40 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 1. С. 412.
- 41 Там же. Т. 1. С. 365.
- 42 *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. § 310.
- 43 Там же. § 297.
- 44 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 1. С. 311.